УДК 94(470+476)"19"

К.М. Бондаренко (г. Могилев, Беларусь)

МОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920 - 30-х годов

Историография монархического движения в Российской империи начала XX века включает в себя несколько периодов, отличающихся друг от друга методологией исследования, кругом привлекаемых источников, уровнем теоретических обобщений фактического материала.

После Октябрьской революции деятельность право-монархических организаций стала изучаться советскими историками и политиками в контексте проблем, связанных с исследованием социально-экономической и политической структуры царского самодержавия. Вместе с тем, мы вправе выделить литературу 20 - 30-х гг. прошлого века в качестве самостоятельного периода историографии монархического движения. В эти годы увидели свет работы, авторы которых освещали историю возникновения правых партий и союзов, их идеологию, программные требования, стратегию и тактику под влиянием еще не остывших впечатлений и эмоциональных переживаний недавно завершившихся революционных событий и страданий гражданской войны. Их оценки прошлого в значительной мере определялись и наличием монархической эмиграции, которая, по убеждению многих, представляла хотя и незначительную, но все же реальную по тому времени идейно-нравственную опасность для молодого Советского государства. Поэтому в большинстве работ этого периода мы встречаем стремление исследователей к жесткому, часто безосновательному наклеиванию ярлыков и приписыванию правым союзам и партиям всякого рода небылиц, призванных как можно глубже «разоблачить» и опорочить в глазах широкой общественности своих бывших политических оппонентов.

Отдельную группу исследований историографического характера в 20 - 30-е годы составили работы Б.В. Титлинова, Б.П. Кандидова, Н.М. Ростова, Г.Д. Костомарова, Ф.К. Попова и др. о связях русского православного духовенства с монархическим движением.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова.

Их появление было вызвано, скорее всего, «церковным террором» предпринятым партией большевиков в 1922 г. Советское государство стремилось любыми средствами свести к нулю влияние религиозных институтов на проходившие в стране крайне неоднозначные общественно-политические процессы путем дискриминации церкви и безоговорочного привития населению атеизма. Наряду с репрессиями в отношении священнослужителей в 20-30-е г.г. проводилась активная антирелигиозная пропаганда, частью которой стала волна обличительных статей, брошюр и книг воинствующих атеистов в адрес православного духовенства, поддержавшего в первой русской революции самодержавный режим и участвующего в создании и деятельности монархических партий и союзов.

В монографии Б.В. Титлинова «Церковь во время революции» (1924 г.), рассматриваются причины тесной связи церкви с государством, правыми политическими партиями и делается вывод о том, что союз этих сил являлся в начале XX века естественной потребностью и необходимостью обезопасить себя перед лицом революции. По этому поводу автор писал: «...события после октября 1905 г. укрепили консервативное настроение церковных господствующих кругов и побудили их еще ревностнее служить самодержавию, ибо они почувствовали, что опасность, угрожающая самодержавному режиму, есть вместе опасность и для церковной бюрократии, питающейся из одного источника с бюрократией гражданской. Отсюда, - продолжает он, - родился тесный союз церковной власти с правыми политическими элементами и правыми организациями, поставившими своей задачей защиту монархизма от покушений революции» [1, с.20-21]. В целом, профессор Титлинов Б.В. правильно обозначил причины единения церкви и государства в условиях социального противостояния, однако, как нам представляется, он сознательно забывает тот факт, что православие на Руси исторически играло в обществе роль важнейшего идеологического и социального института, фактически являлось неотъемлемой составляющей самодержавной государственности. Так стоит ли после этого удивляться тому, что православное духовенство, в годы революции, в подавляющем большинстве выступило в поддержку правых сил, отстаивающих незыблемость традиционных общественных устоев, составляющих известную триаду: православие, самодержавие и народность. Не случайно поэтому, служители церкви приняли самое активное участие в проведении избирательных компаний в Государственную думу I-IV созывов, призывая голосовать за кандидатов в депутаты от правых партий и союзов, о чем совершенно справедливо пишет в своей книге Б.В. Титлинов [1, с. 21-34]. Кроме того, представляют интерес размышления автора о влиянии правых сил на реформаторскую деятельность церковных иерархов и их противодействии либеральным нововведениям [1, с. 35-41]. Как бы подводя итог своим рассуждениям о связях православной церкви с монархическим движением Б. Титлинов заключает: «В содружестве с правыми партиями, самыми непопулярными в стране, церковь изолировала себя и принимала ответственность за деяния реакции, подготовлявшие грядущее народное восстание» [1, с. 35]. Вторая работа Б.В. Титлинова «Православие на службе самодержавия в русском государстве», вышедшая в том же 1924 г., наряду с повторением некоторых положений первой, в большей мере посвящена пояснениям автора содержания проповедей и поучений православного духовенства верующим и их значения для активизации контрреволюционных выступлений правых сил [2, с. 180-207].

В 1930 г. в издательстве «Атеист» вторым изданием вышла книга Б.П. Кандидова «Церковь в 1905 г.» (первое появилось в середине 20-х г.г. - К.Б.). В специальном разделе «Участие церкви в черносотенном движении и организации погромов» он утверждает, что правые союзы создавались при непосредственной помощи духовенства, высшие иерархи которого затем и стали их руководителями. По этому поводу автор пишет: «Летом 1905 года при помощи полиции и духовенства, начинают организовываться черносотенные партии... Во многих губерниях церковники являлись главарями местных отделов этих банд... Многие из попов на черносотенной деятельности сделали себе «карьеру, как например, протоиерей Восторгов» [3, с. 89-90]. Если отбросить оскорбительный тон изложения, то по сути Б. Кандидов приводит, в большинстве случаев, реальные факты (за исключением времени обра-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова.

зования СРН и СМА - лето 1905 г., а на самом деле первый возник в ноябре 1905 г., второй окончательно оформился в марте 1908 г. - К.Б.). Совершенно по иному он описывает социальный состав монархических организаций. «Эти партии (союз русского народа, союз Михаила Архангела и т.д.) выражали интересы помещиков, царских чиновников и попов. Помимо указанных, в ряды этих банд входили дворники, тайные и явные полицейские, так называемые «белоподкладочники (из рядов барского студенчества), некоторые приказчики, всевозможные проходимцы и жулики» [3, с. 89-90]. Как видно из приведенной цитаты, Б. Кандидов не смог избежать штампов и ярлыков, которыми, еще с революционных времен, наделяли монархистов их непосредственные политические противники. Двумя годами раньше (1928 г.) была опубликована его брошюра «Крестом и нагайкой», в которой основное внимание уделялось истории отдела СРН, созданного архимандритом Виталием в Почаевской Лавре, крупнейшем православном монастыре Галиции, в семи километрах от австрийской границы и являвшейся, по мнению автора, «организационной базой и опорным пунктом для черносотенного движения юго-западной Руси…» [4, с. 10-11]. В данной работе содержится также интересный материал о т.н. церковно-черносотенной «философии», печатной продукции монастырского издательства, создании и деятельности курсов агитаторов при отделе СРН, церковно-черносотенного банка, кооперации и т.д. Однако здесь, как и в более поздних работах Б.Кандидова отсутствует научный анализ приводимых фактов и превалируют уже знакомые нам обличительные мотивы в духе официальной идеологии 20 - 30-х г.г. прошлого века.

Н.М. Ростов в монографии «Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых», в отличие от своих собратьев по перу, попытался более обстоятельно разобраться в социальном составе политических партий, по его выражению, насквозь пропитанных ненавистью к революции «с ярко выраженным монархическим содержанием», преследующих «точно определенные классовые цели» [5, с. 3]. Однако и он не избежал устоявшихся односторонних негативных оценок. Рисуя картину первого публичного митинга, организованного 21 ноября 1905 г. в Петербурге только что созданным Союзом Русского Народа, Н. Ростов пишет: «Уже по этому первому публичному оказательству «союзников» можно в точности представить себе их состав и дальнейшую деятельность. Это было прежде всего сброд всех деклассированных элементов общества, за деньги способных на любое преступление: затем шли прикосновенные к органам полицейской охраны - жандармы, дворники, шпионы, полицейские... В центре - руководящее ядро из незадачливых интеллигентов, сановников, бюрократов, помещиков, купцов и без конца духовных пастырей. Последние в «союзе русского народа» играли положительно доминирующую роль, особенно в провинции. Во многих городах «союз» бывал делом исключительно их рук» [5, с. 77]. Такова оценка социального состава монархического движения и места в нем представителей православной русской церкви. Как видим, здесь нет ни слова об участии в СРН рабочих и крестьян, что, как правило, было свойственно всем работам рассматриваемого периода.

К положительным сторонам монографии можно отнести изложение автором истории зарождения и организационного оформления монархического движения начиная от Русского Собрания и до Союза Русского Народа включительно. При этом, Н.Ростов одним из первых среди исследователей данной проблемы отмечает специфические черты вновь образуемых партий, справедливо ставя на лидирующие позиции СРН [5, с. 51-56; 76-78]. Вместе с тем, автор неоднократно повторяет давно избитый тезис о непосредственном участии СРН в организации погромов 1905 г. [5, с. 68; 77-80]. В работе также рассматриваются устремления монархистов к консолидации своих сил через проведение объединительных съездов, участие правых в избирательных компаниях и их работа в Государственной думе, проведение манифестаций, крестных ходов и других мероприятий верноподданнического характера [5, с. 81-144]. Н. Ростов одним из первых поднял вопрос о причинах и сути раскола Союза Русского Народа на фактически три самостоятельные политические партии [5, с. 138-146].

Г.Д.Костомаров в небольшой брошюре «Черная сотня под флагом религии в 1905 году» приводит ряд документов, в которых отражена обстановка в Москве и прилегающих окрестно-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова.

стях в период всеобщей октябрьской забастовки и декабрьского вооруженного восстания. Относительно роли церкви в *это* тревожное и полное драматизма время, он утверждает, что «церковь не только была идейным вдохновителем разгрома революции... Она организовала отряды черной сотни, комитеты тайной самоохраны, под ее руководством избивались мирные демонстрации, громились рабочие кварталы, учинялась жестокая расправа над студентами и т.п.» [6, с. 3]. Мысль о том, что именно церковь, и в особенности православной конфессии, являлась организатором и идейным вдохновителем контрреволюции, проходит у Г. Костомарова красной нитью через всю книгу. «Заручившись одобрением «монарха», - пишет он далее, - митрополиты, епископы и попы двинулись в поход против революции и именем Христа благословляли казаков и черную сотню на разбой, грабеж и убийства, при которых не щадили ни взрослых, ни детей» [6, с. 6]. В том же ракурсе в брошюре подается характеристика социального состава монархического движения. Её автор, явно выполняя государственный заказ и не утруждая себя объективным анализом реальных фактов, заявляет, что «попы ... организовали контрреволюционные силы ... группировали под сенью Креста отряды черной сотни, прочный союз «русских людей» из московских купцов, монахов, разного рода базарных торговцев и подонков преступного мира» [6, с. 16-17].

Определенный интерес, с точки зрения знакомства с историческими фактами и ситуацией в центральном регионе России, представляет книга Ф.К. Попова «Попы-черносотенцы», в которой автор, на материалах Ярославской губернии, рассуждает о роли церкви в деле защиты самодержавия и высказывает в ее адрес резкие осуждения за связи с СРН [7, с. 25-38]. Причины погромов и их участники характеризуются в духе официальной, большевистской идеологии без какого-либо анализа, обобщений и выводов [7, с. 34-36].

Таким образом, в соответствии с идеологическими установками правящей большевистской партии и духом времени, авторы рассмотренных выше работ стремились во чтобы то ни стало убедить читателя в реакционной сущности церкви в годы революции и изобличить ее служителей как идеологов черносотенного движения.

Литература

1. Титлинов, Б.В. Церковь во время революции / В.Б. Титлинов. - Пг.: Издательство «Былое». - 1924.-196с.

2. Титлинов, Б.В. Православие на службе самодержавия в русском государстве / Б.В. Титлинов.-Л.: Государственное издательство. - 1924. - 210 с.

3. Кандидов, Б.П. Церковь в 1905 г. (Очерки и материалы) / Б.П. Кандидов: 2-е доп. издание. - М.: «Атеист». - 1930. - 200 с.

4. Кандидов, Б.П. Крестом и нагайкой (Почаевская Лавра и черносотенное движение) / Б.П. Кандидов. - М.: Акц. издательское общество «Безбожник». - 1928. - 39 с.

5. Ростов, Н. Духовенство и русская контр-революция конца династии Романовых / Н. Ростов. - М.: Издательство «Безбожник». - 1930. - 156 с.

6. Костомаров, Г.Д. Черная сотня под флагом религии в 1905 году/ Г.Д. Костомаров. - М.: Издательство «Безбожник», 1931. - 46 с.

7. Попов, Ф.К. Попы-черносотенцы / Ф.К. Попов. - Иваново-Вознесенск.: Типография «Красный Октябрь», 1932.-64 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова.